

ТВОЙ СЦЕНАРИЙ ГОТОВ!

КТО Я?

18+

ЛОРА КЕЙЛИ

Время новых детективов

Лора Кейли

Кто я?

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кейли Л.

Кто я? / Л. Кейли — «Эксмо», 2022 — (Время новых детективов)

ISBN 978-5-04-171832-9

«Когда в стабильность врывается хаос, трагедии не миновать». В Городе все жители получают сценарий собственной жизни, которому они должны непреклонно следовать. Бунтовать и нарушить сценарий? Нет, невозможно... А что будет, если пойти наперекор Городу и Министерству? Адам Грин – обычный парень, в день совершеннолетия он получает сценарий своего будущего. Он надеется на интересную работу, но ему выпадает роль осведомителя, и его обязанность ныне – докладывать Министерству о секретах людей. Адам решается помочь несчастным, попавшим под его наблюдение, не зная, чем это может обернуться. В то же время в мире, где нет преступности, где судьба каждого прописана законом, а все сценарии идеальны, внезапно начинают пропадать люди... Новый роман Лоры Кейли захватывающий и головокружительно стремительный. Как и в романе «В петле времени», автор вплетает актуальные темы в острый сюжет. «Никто не свободен и никто не в безопасности. Счастливая жизнь с развлечениями и удовольствиями не входит в планы государства. Балансируя между тревожным триллером и классической антиутопией, автору удалось создать захватывающее произведение, которое на сегодняшний день актуально, как никогда раньше. Кто знает, может именно так будет выглядеть тоталитарное общество ближайшего будущего?» – Гарри @ultraviolence_g, книжный блогер. «Кем ты мечтал стать в детстве? А, хотя забудь! В этой истории выбора у тебя нет. Ведь отныне у тебя есть только сценарий. Именно он расскажет, как тебе жить. Не нравится? Ну, выхода у тебя нет. Вместе с героями тебе предстоит попасть в самые грязные уголки Города, из которых ты вряд ли выберешься, но все же будь аккуратен». – Александр @raccoon_demigod, книжный блогер.

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-171832-9

© Кейли Л., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

1 глава	7
2 глава	10
3 глава	15
4 глава	18
5 глава	20
6 глава	25
7 глава	28
8 глава	32
9 глава	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Лора Кейли Кто я?

© Кейли Л., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

1 глава

Сегодня мне двадцать один. Как я еще дожил до этого дня, не получив белый конверт? Всем приходит конверт со сложенным вдвое письмом, где крупными черными буквами – «Министерство приглашает вас...».

Тебя пригласят, обязательно пригласят. Два года назад пригласили Матео, моего друга, и он пошел. А как не пойти? Таков закон. Письма можно ждать до совершеннолетия. Потом уже поздно – штраф или... Вот только я не знал, что «или», никто точно не знал, только догадывались. Приди сам и забери, не пришел – уклонился. Говорили, что посадить даже могут. Вообще, они многое могут, в том-то и страх. Такие вот правила. Иногда письма не приходят по их вине, у них система глючит, а ты отвечай, сам отвечай. Мне оно так и не пришло. Поэтому я иду сам.

– Давно бы уже сходил! – кричала мать в телефон, поздравляя меня с днем рождения. – Все сами идут, а ты чего ждешь? – сказала она и повесила трубку.

Я надеваю штаны.

Пока не пришло письмо, ты на полном обеспечении у государства. Но как придет или как ты за ним пойдешь... В общем, Матео уехал из города, больше мы с ним не встречались. Пару раз только звонил, обозвал сопляком. У него, мол, жена уже беременная и работа кипит, а я все на пособии сижу. Ну сижу и сижу, какое ему дело.

Я надеваю рубашку.

Дурацкое чувство неопределенности – не знать, кто ты есть. Мама говорила, что раньше люди и не знали, и это было нормой, и каждый мог быть кем хотел: врачом, ученым или наркоторговцем. Сейчас тоже есть и врачи, и ученые, а вот наркоторговцев нет. Конечно, ученым мне не стать, в министерстве следят за всеми еще с пеленок, и все тесты, которые ты пишешь в школе, отправляются к ним. Врачом мне тоже, наверное, не быть, тех, кто им станет, вызывают раньше, лет в восемнадцать, а мы, про кого забыли или не вспомнили, мы можем стать менеджерами, или риелторами, или торговцами какими-нибудь. Да много «каких-нибудь» профессий, где специалистом становишься после первого дня, а не через пять лет учебы.

Я не хотел получать письмо. Совсем не хотел. Мне нравилось все как есть. Мне нравилась эта квартирка на втором этаже муниципального дома, большинство домов были муниципальными, в них жили те, кто еще не получил письма. После школы я сразу съехал от матери и поселился здесь. К сожалению, «неопределившимся» нельзя было устроиться и официантом или хотя бы доставщиком еды, можно было только жить на пособия, но меня и это устраивало.

Мать говорила, я не могу знать, кто я, пока не получу письма. Дети ее подруг давно уже все получили и пошли учиться по специальности. А я боялся этого. Матео сказал, что я боюсь ответственности, что такой, мол, я получился трусливый, но это не так. Может, я и не смельчак какой, но и не ссыкун уж точно.

Мысль о том, что я не буду иметь никакого выбора, не давала мне покоя. С другой стороны, кто его имеет? Мать рассказывала, что, когда люди имели право выбора, они всегда сожалели о нем: не о праве – о выборе. Люди, мол, слишком глупы, чтобы что-то выбирать в юном возрасте.

К тому же совершенно выбора меня не лишают, я могу выбрать мебель в квартиру, а вот квартиру выбрать не могу, как, собственно, и жену. У них там какой-то отбор по генотипу. Множество детей рождались с патологиями, теперь почти все здоровы, есть небольшая погрешность, но где ее нет?

«Институт брака – главный из институтов», – гласил один из лозунгов министерства. Подобная реклама часто крутилась по телевизору. Раньше люди сами выбирали себе жен, и не

один раз, это разрушало семьи, вырастали морально неустойчивые дети, создавая свои неустойчивые семьи. Все вело к краху.

За стеной опять играл Макс, он жил по соседству и брэнчал на своей гитаре каждый божий день. Стены были тонкие, песни одни и те же, я все выучил наизусть. Макс также особо ничем не занимался. Какое-то время он ждал письма, но конверт так и не пришел, и он перестал его ждать. Это он так сказал. Он говорил, что даже ходил в министерство и пытался скандалить, но ему ответили, что все под контролем, что министерство всех помнит и чтобы он ждал своей очереди. Что-то в этой истории было не так, я нутром это чуял. Вообще, я с ним мало общался, странный он был тип, пропадал где-то ночью, возвращался под утро и начинал брэнчать. Как говорит моя мать, человек должен быть чем-нибудь занят. Макс хотел устроиться официантом или хотя бы посудомойщиком, но его никто не брал, без распоряжения министерства никуда не берут.

Я вышел на улицу. Министерство работало с девяти.

Наверное, надо было записаться на прием, но я пошел так. Была надежда, что меня не примут. Не могут же они принять всех. Если не будет талонов, приду завтра. Мать бы сказала, что я все делаю не так, отец бы сказал, что надо быть более собранным. Я говорю себе, что у меня есть еще день. Если кончатся все талоны, если будет очередь, если они по каким-то причинам закрыты, никогда не было таких причин, но все же, если будет хоть какое-то «если», у меня останется еще один день. И что я буду делать в этот день? Я думал об этом, когда стоял на светофоре, когда перескакивал с желтой на белую полосу, когда перешел дорогу, столкнулся с прохожим и завернул на следующий перекресток. Я понял, что ничего не мог придумать. Да, я очень скучный человек.

Я огляделся по сторонам. На каждом здании висели рекламные экраны, и в каждом из рекламных блоков была реклама министерства. Семьям из двух и более детей выделяются ежегодные путевки на лучший курорт «Голубая лагуна». Волны с экранов шумели так естественно, что казалось, ты уже находишься там, в эти волны прыгали дети, за детьми, держась за руки, шли родители. Пара оборачивалась, смотря на нас, и мы понимали, что они ждут еще одного ребенка. Все были счастливы, как того и хотело министерство. *Курорт «Голубая лагуна» – лучшее место для пар с детьми.*

Я нащупал в кармане биометрическую карту и пошел в сторону центральной площади. Чем ближе к центру, тем больше экранов. На каждом светофоре по одному. *Министерство заботится о вас. Следуй сценарию – будь в безопасности. Твое счастье – наша забота.*

Вдруг реклама на экранах погасла, показав лишь черное полотно, по центру которого шла бегучка: *экстренный выпуск новостей через пять минут.*

Меня пробрало холодной дрожью. Редко когда выпуск новостей был экстренным. В государстве, где все распланировано на полвека вперед, экстренным может быть только страшное. Я смотрел на черный экран, смотрел на бегучку и выжидал. Резкий звук автомобильного гудка спугнул меня с проезжей части.

– Смотри, куда идешь!

Я вспомнил, куда шел. Черные экраны не давали думать ни о чем другом.

Министерство находилось в самом центре площади. Полукруглое здание с высокими колоннами, декоративными балконами и вздыбленными лошадьми. На вершине, по центру, – купол, вокруг него то ли гарпии, то ли волки с крыльями, так не разглядишь. По периметру газон с елями и лестница широкая, белая. Я взбежал наверх в надежде, что уткнусь в огромную очередь. Никого, кроме охранников и пары сотрудников. Они бегали с документами, хлопая дверьми, скрываясь в кабинетах.

– Вам куда? – спросил охранник.

– Я бы хотел получить свой сценарий, – вообще-то, я соврал: ничего я не хотел, – но, если все заняты, – я посмотрел на выход, – могу и завтра прийти.

– Вам в пятый кабинет, – сказал охранник и выдал мне жетон, – вон туда, – указал он на дверь с цифрой «пять».

Я смотрел на жетон, потом на дверь, потом снова на жетон – и не мог сдвинуться с места.

– Что-то не так? – насторожился он.

– Все так, – ответил я.

– В другие дни здесь яблоку негде упасть, вам, можно сказать, повезло, молодой человек.

– Повезло, – согласился я и пошел.

В кабинете номер пять у меня спросили, по какому я поводу, и, удостоверившись, что по нужному, попросили присесть.

– Мне уже двадцать один, а я еще не получил конверт.

– Угу, – кивнула немолодая женщина, открыла сейф и ушла в него с головой.

– Если на меня ничего нет, я могу и в другой раз прийти.

– Угу, – кивнула она еще раз и продолжала искать.

– Вообще, мне не срочно.

Она взяла мою биометрическую карту, провела ею по клавиатуре и начала вбивать что-то короткими острыми пальцами.

– Угу, все верно.

Принтер зашипел, проглотил один лист из кипы, потом второй, третий... – и постепенно начал выплывать распечатанный текст.

– Вы вовремя, молодой человек, – сказала женщина.

– Мне не пришел конверт, – опять начал я.

Она собрала все листы, скрепила их степлером, поставила печать и отдала мне.

– Ваш сценарий, – сказала она, – хотите открыть?

– Здесь? Я не знаю...

– Обычно к нам возвращаются с вопросами, но если вы и так здесь...

Она была права, нет смысла ждать.

Я посмотрел на листы.

В графе «профессия» значилось одно слово – «ОСВЕДОМИТЕЛЬ».

Что было дальше, я не читал.

– Что-то не так? – спросила она, поведя из-под очков удивленной тонкой бровью.

– Осведомитель? – уточнил я.

– Вам очень повезло, это отличная профессия. Более подробно вы можете ознакомиться со сценарием дома. Ваш новый адрес там же, в документах.

Все это она говорила, не отрываясь от монитора компьютера, ее пальцы так быстро бегали по клавиатуре, а слова так заученно вылетали изо рта, что я понял – до меня ей нет никакого дела. Задав еще пару вопросов и получив такие же отработанные ответы, я вышел.

«Вам очень повезло...» – наверное, это избитая фраза. Здесь раздают сценарии, а равнодушие такое, будто я за билетом в кино пришел.

– Получили? – спросил охранник, расплываясь в искусственной улыбке.

– Получил.

– Министерство заботится о вас.

– Угу, – кивнул я и ушел.

2 глава

На улице стало темно и пасмурно. Нечто серое и тягучее заслонило свет. Люди замедлили шаг, кто-то никуда не спешил, так и стоял посреди перекрестка, ожидая новостей. Черные экраны все еще пускали бегучку. Какая-то нервозная неопределенность повисла в воздухе. У нас редко что-то случалось. У нас даже тюрем как таковых нет. Каждый получал свой сценарий, и по каждому сценарию ты мог быть только законопослушным гражданином. Никто не назначит тебя вором или насильником. А любое отклонение от написанного, даже малейшее, даже на начальных этапах сразу пресекается законом. Мы чувствовали себя в безопасности. Не было ни преступных кварталов, ни маргинальных районов, у каждого своя работа и семья, никто не выживал в одиночку, все были полноправными гражданами. Что могло пойти не так?

Я пытался не смотреть на экраны, вцепившись в сценарий, я надеялся дойти до дома и спокойно прочитать его там. Меня не должны волновать какие-то новости, я вообще новости не смотрю, пусть волнуются те, другие. Я тут не для этого. Сейчас приду домой, засыплю зерна в кофемашину, зайдет Макс и спросит, что гудит, а потом усядется на кухне, выжидая свою чашку кофе, я налью, лишь бы он не ворчал. Он перестанет и начнет смаковать, спросит, что это у меня в руках, я скажу, что сценарий, что сегодня я был в министерстве и получил его. Макс ухмыльнется, скажет, что кофе дерьмовый, я скажу ему купить уже свой, он заржет и выйдет за дверь. Хорошо, что мой сосед Макс, по нему невозможно скучать.

Надо было раньше забрать сценарий, раньше узнать, как жить. Мать была права, я не верю, что это сказал, но она чертовски права, и это ужасно бесило. Теперь я чувствовал хоть что-то под ногами. Да, это была земля, я уже твердо стоял на ней, я твердо шел по ней, по этому асфальту, по переулку, видел эти дома, себя среди них. Я опять увидел экраны, они уже не были черными...

Лицо молодой девушки смотрело со всех табло.

– Энджела Вуд пропала три дня назад, – говорил голос да кадром. – На данный момент о местонахождении девушки ничего не известно. Особые приметы: рост 170, среднего телосложения, длинные светлые волосы. Была одета в серые джинсы и блузку с цветочным принтом. Если вы располагаете какой-либо информацией о данном человеке, просьба позвонить по указанному номеру или прийти в ближайшее отделение полиции. У следователей есть все основания полагать, что причиной исчезновения Энджелы Вуд могло стать похищение. Просим жителей города, в особенности женщин, возвращаться домой до десяти вечера, в противном случае на вас будет наложен административный штраф. С завтрашнего дня министерство объявляет комендантский час. С вами был экстренный выпуск новостей. Мы будем держать вас в курсе событий.

Новостная трансляция сменилась стоп-кадром лица пропавшей.

Очень страшно. Я никогда не испытывал страх. Нет, я не боялся опасности, я боялся потери контроля. Власть потеряла его. Полиция просит помощи, и у кого? У нас, простых граждан? Где мы должны увидеть эту девушку? Не думаю, что она прогуливается по улице или сидит в кафе. Интересно, все ли прочесали полицейские? Все мусорные баки, канализационные стоки, подвалы нежилых домов, заброшенные склады, шахты лифтов... Я был уверен, что она мертва. Если тебя нет трое суток, если ты не пришла на работу, тебя увольняют. Никто не будет так рисковать. Тебе не дадут второго шанса и не возьмут на другую должность, тебя вообще никуда не возьмут. Она не просто так пропала. Ее похитили. Я не хотел смотреть на эти экраны, я не хотел видеть ее глаза. Я не хотел представлять, что с ней делают сейчас или день назад. Когда не видишь лица, и представлять некого. Я сжал сценарий и встал у остановки. Огляделся по сторонам – никого. Открыл. Начал читать. Не мог понять ничего. Буквы то съе-

живались, то отпрыгивали друг от друга, то собирались в лицо этой девушки... И зачем я на нее смотрел?

Движение на дороге вернулось в свой ритм, люди расходились, машины, проезжающие мимо меня, обдавали влажным воздухом. Скоро польет. И почему такой важный день омрачился этим событием? Я не знал, кто эта девушка, я никогда ее раньше не видел, хотя кого я мог видеть, сидя в четырех стенах. На экранах шла все та же реклама, и пропавшая девушка уже не смотрела с них. «Голубая лагуна», счастливая семья, но уже немолодая. *Министерство исполняет мечты. Выиграй путевку на сказочный остров, участвуй в государственной лотерее.*

Ее найдут, успокаивал я себя, непременно найдут. До дома оставалось два квартала, я продолжил путь. Надо будет позвонить матери и Матео, сказать, что сценарий готов, надо будет почитать сценарий и купить уже кусок хоть какого-то торта. Я не заметил, как врзался в кафе. Стеклопанные высокие двери, панорамные окна, брнчащие медные палочки, подвешенные у двери. Почему бы не отметить свой день рождения здесь? Куда лучше, чем дома.

Я заказал кофе и кусок шоколадного пирога, сел напротив окна, выбрав самый маленький столик. На кого он, интересно, рассчитан? Наверное, на таких, как я. Сегодня я не пригласил друзей. Как будто у меня были друзья. У меня был лишь один Матео, но он постоянно занят, он человек семейный, а я...

Мне принесли кусок торта, шоколадный бисквит, пропитанный вишневым сиропом, по центру кремовая начинка, сверху стружка из шоколада.

– И какие у тебя мысли на этот счет? – услышал я рядом. Подумал, что мне, оглянувшись не резко, а так, полубоком, покосился, но не смотрел.

Двое мужчин сидели сзади, я опять уткнулся в торт.

– Не будь она дочерью сержанта, никто бы и не дал объявления, – говорил один.

– Уже больше трех недель прошло, как пропала дочь моего друга, и хоть бы кто предал это огласке. Все молчат.

– Просто твой друг не сержант полиции.

– Он обычный посыльный...

– Потому и молчат.

Я уже не чувствовал, как пахнет торт, тот кусок, что успел проглотить, как-то странно встал поперек горла.

– Это все очень странно, – продолжали они.

– И концов не найдут.

– Не найдут.

– Они следят за нашей жизнью.

– Да.

– За жизнью каждого. Почему они не следили за преступником?

– Думаешь, один?

– Не знаю. Думаешь, банда?

– Я думаю, жертв гораздо больше.

– Больше, чем две?

– Думаю, да.

– Около двух месяцев назад я видел странную женщину.

– Так.

– Она расклеивала объявления на столбах.

– Так нельзя же их клеить.

– Ей так и сказал полицейский, он потом сорвал все и попросил ее пройти с ним.

– И что?

– Я видел, кого она искала.

– Ты видел объявление?

- Да.
- Ну и?
- Молодую девушку, похоже, что дочь, похоже, полиция не делала ничего.
- Она и не может ничего сделать. Там одни идиоты.
- Ты прав.
- Мне скоро шестьдесят, и я впервые вижу такое, чтобы люди пропадали.
- И я не припомню.
- И они не припомнят, эти сосунки в униформе, откуда они знают, как искать, если нико-

гда не искали.

– Они догадались дать объявление на телевидение, – засмеялся один.

– На этом все и закончится.

Я еще долго сидел в кафе после того, как ушли эти двое.

Это уму непостижимо, думал я.

Это не твоего ума дело, – говорил внутренний голос.

Но если что-то страшное?

Тебе-то что?

Может, я смог бы что-то предпринять?

Ты? Предпринять? Не смеши меня.

Надо мной смеялся я сам.

С трудом дошел до дома и рухнул на кровать. В комнате было как-то странно, чего-то не хватало, только я не понимал чего. Не хотел ни о чем думать, в голове крутились слова диктора: *...если вы располагаете какой-либо информацией о данном человеке, просьба... Рост 170, среднего телосложения, длинные светлые волосы. Была одета в серые джинсы и блузку с цветочным принтом. На данный момент о местонахождении девушки ничего не известно.* О господи! Я накрылся подушкой, в висках нещадно гудело, сознание постепенно покидало меня, не помню, как заснул.

Когда я встал, по радио шел прогноз погоды: пасмурно, небольшие осадки опять. Протер глаза и оглядел комнату. Все как и раньше – небольшая студия имела тот же неприятательный вид. Протянул руку, нащупал сценарий, что кинул на стол. Три листа, крупный шрифт, большие интервалы. Вот она, вся моя жизнь.

Ну приступим. Я женюсь в сорок лет, тогда же, когда выйду на пенсию, и меня переведут на бумажную работу, а все это время, все двадцать лет, я обязан пропахать на министерство. Что это за профессия такая, что мне даже жениться нельзя?

«Осведомитель», – прочитал я вслух, пробежался глазами и уже чуть четче понял, в чем суть моей работы. Моей будущей жизни на ближайшие двадцать лет. Мне нужно будет прийти в министерство завтра утром, после ознакомления мне выдадут ключи от моей новой квартиры и – отлично! – машины. Я не знал, какая будет машина, но лучше, чем ничего. Права я получил в шестнадцать, как и все. Не у всех будет машина, не всем разрешат водить, но учиться нужно было каждому, мало ли что. У меня будет своя машина, даже у Макса ее нет.

Точно! Макс! Вот чего не хватало. Я не слышал брнчания, потому и заснул. Тишина оказалась такой убаюкивающей, что я буквально провалился в сон. И проснулся, видимо, от нее же, от этой непривычной тишины. Может, он спит? Кого я обманываю, он никогда не спит, постоянно мучает струны, а если не мучает, то слушает, как это делают другие. Макс молчал.

– Макс! – крикнул я. – Макс, ты спишь?

Тишина. А вчера он был? Этого я не помнил.

– Просыпайся, мне дали сценарий. Хочешь поржать, Макс?

Тишина.

Кровать скрипнула, моя кровать, я вышел в общий коридор и окликнул его там. Днем он всегда был дома, только ночью пропадал. Я медленно подходил к двери.

А ты и правда ссыкун, – говорил мне внутренний голос, – ну же, иди еще медленнее, как раз к вечеру доберешься.

Коридор стал непомерно длинным, а дверь Макса непривычно далекой. Кажется, я топтался на месте.

Иди уже, говорил я себе. Я потянулся к металлической ручке, повернул и толкнул от себя. Из комнаты повеяло холодом, на меня смотрело раскрытое окно, на кровати лежала гитара, как-то криво, норовя соскользнуть. Я подправил ее. Огляделся.

– Макс, ты в туалете, что ли, сидишь?

Комната не издала ни звука. Я подкрался к двери ванной комнаты, прислушался – тишина. Выждав пару секунд осторожно приоткрыл дверь. Никого. Куда же ты делся?

Побыв еще немного у Макса, заглянув на кухню и даже в шкаф, я поплел к себе. За дверью своей квартиры услышал чьи-то шаги. Это Макс. Точно. Я облегченно выдохнул и открыл.

– Ну привет, – сказал я.

– Ну привет, – обернулся Матео, – с днем рождения, друг!

– Спасибо, – протянул я.

– Не ожидал? Я тоже не ожидал, но так получилось.

– Отлично, – еле выговорил я.

– Что с тобой? На тебе лица нет.

– Ты видел объявления?

– О розыске? Ну видел, у нас их целый день крутят.

– Ты так просто об этом говоришь.

– Слушай, у меня дел по горло, и эта девушка, она же не моя дочь. Правильно? К тому же я уверен, она где-то загуляла.

– А можно загулять?

Матео рассмеялся.

– Ну ты даешь...

– Говорят, она не единственная.

– Чего ты боишься, что тебя похитят? Ты не очень красивая баба, Адам. Прямо скажем, на любителя, – Матео опять заржал.

– Да иди ты.

– Что это? – Он взял в руки сценарий. – Ты получил? Поздравляю!

– Спасибо.

– Ну и что там? – Начал он листать. – Ты не против?

Мне было все равно.

– «Осведомитель», – прочитал он по слогам. – И что это значит?

– Это значит, я буду работать на министерство. Каждый месяц мне будет приходиться несколько дел о нескольких людях, вызывающих подозрение. Я буду контролировать их, следить, проверять, докладывать.

– Вот это работа!

– Ты же не завидуешь?

– Еще как завидую!

– Да брось ты, я – стукач.

– Ты – секретный агент!

– Ну да, конечно.

– Ты работаешь на министерство. Ты хоть знаешь, какими связями можешь обрести?

– Ничем я не хочу обрести.

– А я думал, тебя официантом возьмут, – засмеялся Матео.

– Ну спасибо, – расхохотался я.

Меня как будто отпустило. Мы еще долго болтали, около пары часов, вспоминали детство, учебу... Потом он ушел.

А Макса все еще не было.

Задрезжал телефон. Я снял трубку.

– Когда ты сходишь в министерство, Адам? – кричала мать на том конце.

– Уже сходил.

– И кто ты? Официант?

– Да почему же официант, мама?!

– А кто ж еще? – удивилась она.

– Осведомитель.

– Кто?

– На министерство работать буду, – не стал я вдаваться в подробности.

– Правда? – обрадовалась она. – Я всегда знала, что ты у меня умнее всех.

Она никогда так не думала. Ну да ладно, я рад, что она была наконец рада.

3 глава

Вся кукла была истыкана иголками. Мягкая, с приклеенными глазами и вшитым в тряпичное тело платьем, она смотрела в потолок. Местами из нее уже вылез искусственный наполнитель, местами она совсем измякла.

Лиззи Руссо сидела на кровати в своей комнате в доме, который заселил муниципалитет. Здесь много студентов, как и в любом общежитии. Всю прошлую ночь она всаживала иглу в подушку, а потом и в тряпичную куклу, раз за разом, расслабив запястье, раз – и игла опять тормозит в миллиметре от цели. Как она будет сегодня колоть? Мало того, что ее тошнит от запаха формалина, так еще обкалывать эти трупы. Кому-то это дается легко. Рикардо приказали принести голову из соседней комнаты в том же морге, и он, как ни в чем не бывало, нес ее, настоящую голову какого-то мужика, он держал ее за волосы, а после опустил в раствор, чтобы слезла кожа. Преподавателю нужен был череп. Лиззи не видела, как кожа слезла, она и череп не видела, и трепанацию тоже пропустила. Она потеряла сознание, как всегда. Преподаватели махнули на нее рукой. Привыкнет, говорили они, все привыкают. Но Лиззи так и не привыкла – уже третий курс, а она все еще не могла всадить иглу в этот чертов труп.

Если ребенок кричит и извивается, его приходится привязывать к кушетке, говорили вчера в больнице. Отлично, думала Лиззи, кричит и извивается, а она в обездвиженное тело никак не попадет.

Каждый день после получения документов из министерства – а прошло без малого три года – Лиззи думала, что там что-то напутали. Не могла она быть врачом. Она мечтала стать актрисой, хоть министерство настоятельно запрещает мечтать. Может, всему виной ее отличная учеба в школе, может, в актрисы берут тех, кто и не учится вообще? Да, она сама виновата, точно сама. Кто ее заставлял сдавать на «отлично» биологию и химию. И сдалось ей препарировать этих лягушек. В школе они работали парой, и во время препарации Лиззи зажмурировала глаза, скальпелем работала ее соседка по парте, которая, кстати, даже не учится на врача, ее определили в юристы.

Министерство никогда не ошибается, сказали ей влажные губы в одном из окошечек отдела по срочным вопросам.

Тогда ошиблась я, подумала Лиззи. Надо было завалить биологию.

Ее мать работала парикмахером, и Лиззи с детства околачивалась в ее салоне. Однажды у матери были заняты руки, а клиентке нужно было срочно смыть краску с волос. Тогда Лиззи чуть не стошнило, она не могла прикоснуться к чужим, да еще и мокрым волосам.

Теперь она должна прикасаться к чужим головам, волосам, чужим телам.

– Если вы не сможете лечить людей, – сказал как-то один из профессоров, недвусмысленно посмотрев на Лиззи, – то будете работать в морге. Покойникам вы точно не навредите. Бирки, я надеюсь, вы не перепутаете, мисс Руссо?

Тогда все студенты посмотрели на нее.

Замечательно, весь остаток жизни провести в подвальном помещении с трупами. Отличная перспективка. Но никто не мешал ей научиться колоть, в запасе еще два года учебы и интернатура. Лиззи убрала исколотую куклу в прикроватную тумбу и достала из нее измятую книгу. Этой книге было лет пять или больше, она купила ее на деньги, которые сэкономила на школьных обедах, и прятала все это время где придется. Почему она ее прятала, почему не показывала всем и каждому? Заголовок гласил: «Актерское мастерство». Лиззи и любила эту книгу, и боялась одновременно. Никто не знал, что она интересуется театром, что изучает историю кино, она даже в школьных спектаклях не участвовала, а надо было. Может, тогда бы ее заметили. Хотя кто участвовал – тоже не пошел в кино. Лиззи до сих пор не понимала,

по какому принципу там все распределяется. Обняв книгу, она уселась поудобнее и включила телевизор...

«Министерство все решит за тебя, – говорили из телевизионного рупора, – если тебе двадцать один и ты до сих пор не получил письма, мы ждем тебя на приеме каждый будний день».

«Кто-то еще не получил письма, – думала Лиззи, – везет же кому-то». Она получила его в семнадцать, тогда все обрадовались письму: и мать, и отец, и она сама. Министерство оплатит учебу в престижнейшем колледже, а Лиззи будет уважаемым человеком. Ее сценарию мог любой позавидовать: учеба, практика в одной из лучших больниц страны, зарплата в два раза выше средней, замужество в тридцать два, рождение двоих детей. И все это ей уже гарантировали с семнадцати лет, и все это она хотела забыть. Ты не имеешь права не читать свой сценарий, ты обязана знать, что произойдет, и не мешать этому. Она не хотела никому мешать, она лишь не хотела быть врачом.

– Это же круто, – говорила ее соседка, рыжеволосая Хлоя, она влетела сейчас в комнату и стала выгребать вещи из шкафа, – знать, что будет, это гарантия будущего, это то, что мне нужно сейчас, – перебирала она платья одно за другим.

Хлое выдали подобный сценарий, только замуж она должна была выйти в двадцать пять, и очень удачно, за какого-то хирурга, у которого должна будет проходить практику. Она уже узнала, кто он и почему без жены. Жена его умерла за год до того, как Хлое выдали этот сценарий.

– А пока я могу встречаться с кем захочу, – говорила она. – Я свободна еще пять лет! И не нужно никаких серьезных отношений, я могу гулять с кем вздумается, главное – не залететь.

Лиззи смотрела на нее, как на умалишенную.

– Министерство не поймет такой свободы, Хлоя.

– А что я делаю не так? В мед я пошла? Пошла! В обмороки от вида крови не падаю, как некоторые, – она засмеялась. – Из меня выйдет хороший врач. Замуж я выйду. А пока мне что, и погулять нельзя?

– А там, – Лиззи указала на стол, в котором Хлоя хранила свой сценарий, – написано что-то про твои романы? С кем ты будешь встречаться до мужа?

– Нет, не написано, ну и что? Замуж-то я все равно выйду. За хирурга, в двадцать пять, как они и хотят. – Она подвинулась ближе к Лиззи и шепнула ей в ухо: – Я нашла его в интернете, он симпатичный, ему тридцать один.

– Вот и жди его, – заволновалась Лиззи. – Куда ты собралась?

Хлоя наряжалась перед зеркалом. Она натягивала на себя длинные чулки, вдела в уши большие серьги-кольца, облила всю себя цветочными духами, сняла с вешалки черное платье и нырнула в него с головой.

– Я в клуб, – сказала она, – приду поздно, не жди.

Хлоя звякнула серьгами, ключами, дверью и ушла.

Лиззи и боялась за подругу, и завидовала ей. Она тоже мечтала о свободе, но как только задумывалась о ней, то впадала в какой-то панический ступор. Можно ли вот так, как Хлоя? Многие так живут, и ничего. Клуб, который она посещала, был закрытым, нужно было сказать кодовое слово, и только тогда пройти. Хлоя всегда знала кодовые слова, она везде проходила, и Лиззи уже перестала удивляться этому.

Как-то Хлоя сказала, что в этом клубе одни бессценарные, те, кого так и не вызвали в министерство, и сами они не идут, и письма им не приходят. Многие были нелегалы, так звали тех, кто постоянно менял место жительства, чтобы убежать от письма. Они и документы себе умудрялись менять. Как-то раз в клубе была облава, нескольких выловили, сценарии их были совсем незавидные. Но тех, кто хотел свободы, становилось все больше, и клуб этот не раз менял свое положение, потому в него и пускали только через пароль. Мало ли что.

Лиззи сидела в опустевшей комнате, она не любила быть одна. Можно было тоже пуститься в загул, но она не могла себе это позволить. Лиззи решила ждать замужества. В сценарии написано, что она познакомится с мужем за год до женитьбы – значит, в тридцать один. Еще одиннадцать лет.

«И все эти одиннадцать лет ты будешь старой девой?» – как-то спросила Хлоя.

А почему бы и нет, думала Лиззи, если так написано, значит, так и должно быть. Интересно, ее будущий муж уже получил письмо?

– Ты думаешь, он будет ждать тебя одиннадцать лет? – Лиззи слушала голос Хлои, будто та стояла перед ней. – Черта с два! Он небось уже ходит по бабам и мечтает нагуляться вдоволь, прежде чем окольцевать себя.

– А может, и будет!

Лиззи еще долго говорила с пустотой. А потом уснула в обнимку с книгой.

Ей снилась глубокая бесконечная темнота, она стояла в ней, сжимая исколотую куклу, и не знала, куда смотреть, потому что, куда бы она ни смотрела, все было непроглядно. Вдруг что-то скрипнуло у нее над головой, звуки наполнили пространство, огромный прожектор осветил ее. Лиззи стояла на сцене в белом с люрексом платье, в лакированных вечерних туфлях на высоком каблуке. Кукла в ее руках превратилась в наградную статуэтку, волнение стало радостным, и вся она светилась от счастья.

Лиззи проснулась в полчетвертого утра, когда Хлоя выронила ключи и те разбудили полдома.

– Прости, – сказала Хлоя, снимая через голову платье.

Она была такая живая и возбужденная, что казалось, жила не в этом, а в каком-то другом мире. От нее уже не так пахло духами, Хлоя пахла другим, чужим запахом. На ее щеке красовались два засоса, багровый и чуть розовый.

– Вот засранец, – сказала Хлоя, смотря в зеркало, – теперь свитер носить.

Лиззи включила ночник.

– А ты так и провела здесь всю ночь? – спросила подруга.

– Я же спала, – шурилась Лиззи.

– Я же спала, – передразнила Хлоя. – Ты так всю жизнь проспичь. Артур говорит, что они не могут красть наши жизни, не могут, Лиззи.

Артур – это, наверное, очередной временный парень, поняла Лиззи, сколько их уже было.

– Никто у нас ничего не крадет, – ответила она и сама же в том засомневалась.

– Лиззи, милая Лиззи, – села на кровать голая Хлоя, – давай кого-нибудь тебе найдем. Хоть узнаешь, что это...

– Я буду мужа ждать, – отвернулась Лиззи.

– Хорошо, раз ты так хочешь, давай найдем тебе его!

– Кого?

– Твоего мужа.

– А как? – подскочила Лиззи. – У меня только его имя есть – Марк.

– Марк, – повторила Хлоя, – ну хорошо... У меня есть друг, он хакер и может найти любой нужный сценарий. Он взламывает архивные системы министерства.

– Ой нет, – испугалась Лиззи, – это же незаконно...

– Ты хоть увидишь его. Мы подстроим свидание. Хочешь увидеть мужа или нет?

4 глава

Энджела Вуд очнулась от боли. Все тело затекло. Отдернула руку. Веревка. Ее связали по рукам и ногам. Она в каком-то помещении. Пол – холодный, каменный, а стены... Она не видела стен, она вообще не видела ничего. Глубокая темнота поглотила и стены, и все, что могло ее окружать. Энджела зажмурилась и тут же открыла глаза. Закусила губу до боли – и все равно не проснулась. Тупая боль отдавала в виске – похоже, ее избили. Она не помнила ничего. Даже своего имени. Как же режут веревки, они такие жесткие, будто сплетены из тысячи металлических нитей. Как она попала сюда? И куда она попала?

Она попробовала пошевелить ногами. На ней были штаны, плотные джинсы, через них не ощущались веревки, они не резали кожу, как на руках. Энджела могла шевелить ногами, сгибать и разгибать колени, раскачивать себя. Она облокотилась назад, но чуть не упала, стены еще не было, она может быть и в центре комнаты.

– Эй! – крикнула она.

Крик был заглушенный, ни малейшего эха. Помещение не могло быть большим. Где же стена? Энджела продвигалась назад и скоро уперлась в такую же холодную шершавую стену, такую же, как и пол. Теперь сидеть было намного легче, ее затекшую спину и больную голову поддерживала стена.

– Кто я? – спросила она себя.

– А ты не помнишь? – ответил ей внутренний голос.

– Нет...

– Ты не помнишь, что сделала?

Энджела вдруг поняла, что ее внутренний голос – мужской, а может быть, и вовсе не ее.

– Кто здесь? – Она хотела подскочить, но веревка еще сильнее стянула запястье.

Голос стих. Никто с ней больше не говорил. В животе болело от голода, голова кружилась. Временами она проваливалась в забытие. Это был сон с открытыми или закрытыми глазами, и она не понимала, видит ли она темноту. Энджела попыталась заснуть, весь организм хотел этого, все ее тело дрожало от усталости. Но что будет после сна, проснется ли она, позволят ли ей проснуться? Она закрыла глаза. Громкая музыка. Ее тело подхватывало ритм, ее ноздри вдыхали аромат фруктового дыма, громкая музыка не давала уснуть, никто не спал. Где она?

Ты не узнаешь, пока не проснешься.

Энджела открыла глаза – все так же темно. Она попыталась ползти вдоль стены – нужно понять, какой длины помещение, нужно понять, что здесь есть. Шероховатая бетонная махина царапала спину через тонкую блузу.

«Оденься нормально, куда ты в таком виде пойдешь», – услышала она голос матери. Да, у нее есть мать, и пусть в ее памяти вызрела лишь одна ее фраза, но от этого стало как-то легче и захотелось плакать. Она будто брошенный в загоне слепой щенок, бродящий от стенки к стенке, бесполезно тыкающий носом в ограждения, отделяющие его от свободы. Энджела сдержала слезы, сейчас не время, не время плакать, но если у нее есть мать, значит, ее ищут, ее хотят спасти. Вдруг что-то звякнуло – ключи, это поворачивались ключи. Энджела прижала колени к груди и уткнулась в них подбородком. Звериный страх не давал вздохнуть, он сковал ей грудную клетку, оцепив всю ее. Тугой засов прокручивался назад, приближая неизбежное, раз, два, три, петли заскрипели, тусклый свет заставил зажмуриться.

Длинные мужские ноги ступали по полу, ботинки на толстой подошве, темные брюки – и все, дальше она не смотрела. Он заслонил ей весь свет.

Сейчас я умру, подумала Энджела, лучше умереть, чем что-то другое, лучше убей меня, молила она. Но никто не услышал ее мольбы, она не смогла вымолвить ни слова, во рту перехло, губы не разомкнулись.

Он уже рядом, он уже дышит на нее, что-то причмокивая во рту. Он схватил ее за руки, проверил веревку. Туго.

– Хорошая девочка, – сказал он. Голос его грудной, но не старый, – ты и не думала бежать, правда? И правильно. От судьбы не убежишь. Теперь я твоя судьба.

Он сжал ее коленку, другой рукой погладил по щеке, дыхание участилось, он дышал как зверь после охоты.

– Посмотри на меня, – скомандовал он.

Она не могла поднять головы.

Он дернул ее за волосы, запрокинул голову и впился своим ртом в ее сухой рот. Он заглотив ее губы, он пожирал их.

Энджела не могла пошевелиться, она боялась и пискнуть, боялась, что будет хуже. Наконец он разжал хватку.

– Почему ты не плачешь? – спросил он, вытирая рот.

Энджела молчала.

– Почему ты не плачешь? – крикнул он и ударил ее по лицу. – Плачь! – прокричал он, взял ее голову в обе руки, обхватил, как клещами, и стал сжимать. – Я сказал – плачь! Надо плакать. Не хочешь? Я помогу.

Он ударил ее затылком об стену так, что она услышала хруст в ушах, слезы хлынули, текли по щекам, она стонала от боли в затылке, от боли в руках и ногах.

– Так-то лучше, – сказал он и стал гладить ее по больной голове, по мокрым щекам, стал целовать ее щеки и мокрые дрожащие губы.

– Ты боишься меня?

Энджела закивала.

– Боишься, – говорил он, не отрываясь от ее губ, – все боятся неизвестности. Ты же знаешь, что будет, когда я приду во второй раз?

Энджела не хотела этого знать.

Он говорил медленно, задыхаясь. Потом поднес свою руку к ее губам.

– Целуй, – приказал он.

Энджела поцеловала.

– Не верю, – процедил он и треснул ее еще раз.

Энджела упала, ударилась головой о бетонный пол и заплакала.

5 глава

Моя новая квартира была значительно больше предыдущей. И вид из окна говорил о серьезности моего положения, это вам не мусорные баки на заднем дворе, это почти центр. Если представить, что здания справа не было, то я, можно сказать, смотрел на министерство. Я закрыл шторы и отвернулся от света, меня словно передернуло. Опять эти рекламные щиты. Они светили рекламой магазина женской косметики, но я видел лишь одно лицо – лицо пропавшей девушки, которая еще недавно смотрела с них на меня и на всех прохожих, застывших тогда на дороге. Ее больше не показывали. Неужели нашли? А может, перестали искать. А если нашли и не говорят, значит...

Не хотелось об этом думать, в любом случае меня это не касалось.

Я оглядел комнату: мебель привезли хорошую, техника была тоже новая – телевизор, холодильник, живи не хочу. Машина, конечно, не фонтан, но вручали мне ключи с таким видом, будто говорили – и за что тебе это, пацан?

А я и сам не знал за что. Вчера я был в министерстве и забрал дела людей, за которыми мне нужно присматривать.

– *Да не-е-ет, ты не стукач, – говорил внутренний голос.*

– Кого ты обманываешь?

– *Тебя, кого же еще, – сказал он и заржал.*

Макса я так и не встретил, я ждал до последнего, еще днем приходил, после переезда, но его дверь была закрыта, собственно, как и моя. Может, он тоже получил сценарий, просто не сказал мне? Нет, он бы сказал, он бы вломился ко мне и кинул эти листы на стол, а потом крикнул: «В это дерьмо я играть не буду!» Он бы не ушел просто так. А может, он загулял? Хорошо бы так было.

Всего мне поручили три дела. Не так много, как я думал, но так даже лучше. Меньше людей – меньше проблем. Мне предстояло следить за теми тремя, узнать, как они живут и следуют ли написанному, если нет – доложить.

– *Ты стука-а-ач, Адам.*

– Сам знаю. Заткнись.

Я чаще стал говорить сам с собой, хотя от одиночества многого ждать не приходится, должен же я был хоть с кем-то говорить.

Итак, что мы имеем? Я – человек без особого таланта в общении – должен буду внедриться в жизни посторонних людей, не зная о них почти ничего. Нет, конечно, что-то я знал. По три листа на каждого.

Нужно как-то войти в доверие, никто не будет раскрывать все карты незнакомцу. Это было бы очень подозрительно. И почему они не находят осведомителей среди близких своих подопечных?

– *Да ты подлец, Адам.*

Да, через близких было бы чересчур. Не должно быть никакой связи, только работа. Эти люди, за которыми нужно приглядывать, дела которых мне вручили, должно быть, хотят отступить от сценария, если уже не сделали этого. Но откуда министерство знает об их намерениях? Когда я думал о возможной тотальной слежке, о камерах, что висят на каждом шагу, мне становилось не по себе. Я будто был заключенным, мы все ими были, только меня вдруг назначили надзирателем. Что-то странное я заметил во взгляде Матео. Да, вчера он радовался за меня, но его взгляд... Он уже сторонился. Это нормальный рефлекс – сторониться того, кто может на тебя наступать. Хотя чего бояться Матео, он ли не самый законопослушный гражданин?

Я взял одно из дел.

Нина Коллет, официантка, кафе Фредо, адрес и фото прикреплены. Ничего примечательного в ее деле не было: школа, замужество, рождение дочери. Смерть мужа. Она вдова. Замечательно, я буду стучать на вдову! Просмотрел мельком два других сценария, их герои были еще скучнее. Ничего особенного. Я думал, мне дадут людей поколоритнее, я представлял себя чуть ли не секретным агентом, а мне дали какую-то мать-одиночку, студентку и старика на пенсии.

У меня засосало под ложечкой. Только сейчас я вспомнил, что с утра ничего не ел. Поэтому поход в кафе, к этой самой Нине, был очень кстати.

Мой навигатор отказался показывать дорогу уже на середине пути. В его программе этого адреса даже не значилось. Хорошо, что у меня была карта. Я настроил навигатор на ближайший к тому месту адрес и продолжил путь. Чем ближе я подъезжал, тем больше вжимался в кресло, я уже не сидел за рулем, я выглядывал из-за него. Что это за место, черт его дерит? Неудивительно, что мне поручили Нину и послали в эту дыру. Никто другой на это бы не согласился.

Нельзя назвать это заведение кафе, нет, нельзя назвать это место заведением. Я не знаю, как это назвать, ей-богу, какая-то забегаловка, в которую ходят отбросы общества сбрасывать дневную усталость. Они все трезвы, безусловно, трезвы, злоупотребление карается законом, но похожи они на беспробудных пьяниц, валящихся с ног. Что это за люди такие? Откуда они вообще взялись? Я перестал их рассматривать в ту же секунду, как они всем скопом посмотрели на меня, с ног до головы, с головы до пят, и так и оплевывали меня взглядом, пока я выбирал себе столик. Мне казалось, меня раздели до трусов, точно раздели, я будто голый сидел. Никогда я не был богатым человеком, но в их глазах я, кажется, был богачом. Одежда их будто из прошлого, да, мой отец носил тот же спортивный костюм, на семейных фотографиях он был в нем, тем фото было лет двадцать. Видимо, новой одежды они себе не покупали. А я был в новом, но я не виноват, честное слово, мне захотелось встать и отчитаться, что этот пиджак я взял с хорошей скидкой в среднем таком магазине, а брюки – им вообще уже года два. Кроссовки, да, новые, я спрятал ноги под стол.

Неужели мне придется прийти сюда еще раз? Как бы наладить контакт с первой встречи, узнать все и доложить.

Кого я обманываю, знакомства не мой конек, и мне очень повезет, если удастся сказать официантке пару непринужденных фраз, не относящихся к заказу. Что же ей сказать? Спросить, как дела? А это вообще нормально, сделать заказ и спросить, как дела, как дела...

– Что будете заказывать?

– Как дела?

– Что?

– Ой, простите, – ну молодец, теперь разруливай...

– Вы это мне?

Официантка не сводила с меня глаз. Что бы ей ответить, не сойдя за психа или идиота. Если спросить, как дела, то она поймет, что ей не послышалось, и сочтет меня за самовлюбленного придурка, который решил подкатить... А может, мне и правда позаигрывать с ней? Как будто я знал, как это делается. Она все еще смотрела, а я все еще молчал. Пауза слишком затянулась, слишком затянулась пауза, ну, скажи же что-нибудь!

– Как делается ваш кофе? – наконец выговорил я. – Мне интересно знать как вы его делаете.

Вот ты идиот...

– Кофе? – удивилась она, посмотрев на меня с подозрением, как учительница, в класс которой пришел странный пацан и она не знает, идиот он или прикидывается. – Кофе у нас в пакетиках, растворимый. Сначала мы открываем пакетик, высыпаем содержимое в кружку, заливаем кипятком, берем ложечку и перемешиваем по часовой стрелке, вот так, – водила она карандашом, который достала из-за уха.

Ну все, дело можно считать провальным, я для нее точно идиот. Как делается кофе? В таком заведении как оно еще может делаться. Возьми себя в руки, говори как ни в чем не бывало, будто ты не совсем кретин.

– Принесите мне чашечку эспрессо, пожалуйста, – попросил я.

– Хренессо, – заржал хриплый голос.

Заржали все.

На моих щеках яичницу можно было жарить.

– Не обращайтесь внимания, – улыбнулась официантка.

– Я здесь первый раз.

– Я поняла. У нас нет эспрессо, и кофемашины тоже нет. Я могу вам принести только растворимый кофе.

– Отлично, – выдохнул я.

На ее бейдже выцветшей пастой значилось имя *Нина*.

– Есть что-нибудь будете?

– Нет, – сказал я. – Да, буду...

Если я выпью только кофе, то и уйду почти сразу, тогда мне с ней не поговорить.

– А что у вас есть?

– Сегодня на завтрак тост с сыром и омлет. Была и каша, но она закончилась.

Девушка заметно засмушалась, видно, ей было неудобно от скудности утреннего меню.

– Вот и замечательно, кофе, омлет и тост. Все принесите.

Она улыбнулась и ушла, а я не знал, куда себя деть. Сквозь табачную поволоку на меня «установились» золотые зубы, перекатывающие сломанную зубочистку из одного угла рта в другой, изношенные ботинки отбивали какой-то ритм, черные пальцы с такими же почерневшими от грязи ногтями стучали по столешнице. Смотрели, отбивали, стучали, смотрели, отбивали, стучали... Я закашлялся от резкого сигаретного дыма, и этот чертов кашель никак не проходил.

– Ты какой-то дохлый, парень, тифозник, что ли? – спросил тот, что с зубочисткой.

Раздался ржачный гул.

Я промолчал и уткнулся в изрезанную ножичком, убитую временем столешницу. Все здесь было настолько изуродованным, что, казалось, не имело смысла чинить что-то одно, легче было сжечь это место. Я и не знал, что такие места существуют, что такие люди живут среди нас, на улицах я их тоже не видел. Они походили на настоящих работяг. Грузчики или шахтеры. Ей-богу, из окон своих теперь уже двух квартир я видел только людей с дипломатами и в выглаженных пиджаках, а единственные работяги, которые мне попадались, – это доставщики пиццы и чистильщики кондиционеров.

Кашель не унимался. Нина пришла с подносом, я отпил кофе.

– А комнаты для некурящих у вас нет? – спросил я.

– Вы здесь первый некурящий, – улыбнулась Нина, расставляя передо мной тарелку с поджаренным хлебом и омлет.

– И давно вы здесь работаете? – схватился я за последнюю ниточку ускользавшего разговора.

– Так уже около шести лет, – сказала она и скрылась в дыму между этими громилами.

Шесть лет! Я тут шесть минут – и уже не знаю, куда себя деть.

Вскоре она вновь появилась с подносом, направляясь к другому столику. На меня Нина даже не взглянула.

Вот и все? Весь разговор? И что мне делать, дожидаться ее на улице, пока смена не закончится? А если она сутки работает. О том, чтобы торчать около этой кафешки всю ночь, я и думать не мог.

Да уж, наверное, в этом министерстве точно ошиблись, назначив меня на эту должность. С такой ролью хорошо бы справился какой-нибудь красавец мексиканской наружности, какой-

нибудь Густаво или Лижейру, с черными глазами и такой же щетиной, с атлетической фигурой и сильными руками. Я посмотрел на свои руки, кисти у меня были тонкие, будто женские, а щетина, не говоря уж о бороде, совсем не росла. Я не имел никакого мужского обаяния, я вообще ничего мужского в своей внешности не имел. И как она должна была заметить меня? Не заказывать же мне этот отвратный кофе еще раз. Второй чашки я не вынесу, да и назвать эти помои кофе язык не поворачивается, на нем, кстати, до сих пор остались нерастворимые крупинки этого пойла. Сколько же зарабатывают эти работяги, что вынуждены пить вот это все?

Нина ходила туда и обратно, приносила закуски, уносила стаканы, приносила новые. Я смотрел на нее не отрывая глаз, она сейчас обернется, а я ей улыбнусь или подмигну.

Подмигнешь, не смеши меня.

Да уж, и правда смешно. Как-то в школе я подмигнул одной девчонке, она подумала, что у меня нервный тик. Впредь я и не пытался заигрывать. Не стоило пугать собой людей.

Звук разбитого стекла вернул меня на землю. Какой-то мужик швырнул кружку об стену, оставив на ней кофейную кляксу.

– Что за муть ты мне дала? – схватил он Нину за руку. – Это, по-твоему, кофе? Я проработал всю ночь, и мне еще днем пахать, налей мне настоящего черного, но сначала вылижи это! – указал он на облитую стену.

– Я сейчас все уберу, – тихо сказала Нина, пытаясь высвободиться из лап этого животного.

Все молчали. Какого черта все молчат? Ну, скажите же что-нибудь. Надо же что-то сказать!

– Эй, отпусти девушку! – сказал я.

Зачем ты встал? Все, теперь тебя по стенке размажут! Сядь, сядь сейчас же, или нет, залезь под стол...

– Она ни в чем не виновата, – не останавливался я.

Ну все, нам кранты.

– Что ты сказал? – громила выплюнул зубочистку, отпустив руку Нины.

– Что слышал, – ответил я. Да так резво ответил, сам от себя не ожидал.

Ой, идиот... – внутренний голос исчез.

Толпа мужиков у стойки расступилась, табачный смог рассеялся, громила шел на меня. Его мускулы напряглись, рубашка затрещала, он шелкал костяшками пальцев, во мне тоже трещали кости и дрожали все до одной от предчувствия неминуемой боли.

Сейчас бы забраться под стол, или смотаться отсюда, или еще лучше умереть от инфаркта, вот прямо сейчас. За спиной громилы – смеющиеся глаза выжидающих зевак и одни сочувствующие – глаза Нины. Ну хоть кого-то волнует моя участь, подумал я. Если умирать, то с гордо поднятой головой. Я попытался поднять голову, расправить плечи, но ничего не получилось, моя голова, как и шея, просто вросла в меня, я так съежился, что не мог пошевелиться, я был одним сплошным комком страха.

– Иди-ка сюда, – рыкнул бугай, – иди, не бойся, – ухмыльнулся он почерневшими зубами, – я только сверну тебе шею, пацан, только и всего.

– Угомонись, не лезь, – пытался уговорить его один.

– Ты ж его одним пальцем раздавишь, оставь пацана.

– Пожалуйста, не надо, – взмолилась Нина.

– Заткнись, стерва, – выпалил он.

Его опухшее лицо забагровело, губы надулись, выплевывая мелкие слюни, глаза полопались красными жилками, ноздри пытели, как у быка.

А я был тряпкой, красной скукоженной тряпкой, которую вот-вот разорвут на куски. В принципе, я прожил не такую плохую жизнь, я попытался защитить человека...

Бугай взял меня за шкуру и поднял над собой, воротник трещал, мои ноги висели, как на шарнирах, я не мог дышать, кажется, язык встал поперек горла. Я попытался двинуться – бесполезно, страх сковал каждый мускул, кровь отлила от лица.

– Да он синющий весь, сейчас помрет! – крикнул кто-то.

Он поднял меня еще выше и с размаху бросил на стол, я ударился боком и грохнулся на пол, в ребре что-то щелкнуло, в глазах потемнело, а потом запищало – не у меня, у него.

– Вот черт! – Бугай посмотрел на руку, браслет на ней издавал все тот же неприятный писк, звук нарастал, становился все громче, он попытался снять его, стиснул зубы, скривил пальцы, но не смог, черный браслет пищал, мигая красным светом.

Вдали послышались полицейские сирены, зеваки расступились, он ринулся к двери и вылетел из забегаловки. Визг тормозов, шорох шин по асфальту, выстрел, крик, тишина.

– Идиот, – сказал кто-то, – вставай, пацан.

Мне помогли подняться.

Я вспомнил, как дышать.

6 глава

Макс перебирал нехитрые аккорды, зажимая струны дрожащими пальцами, знакомый мотив проникал в сознание, наполнял его, отпуская мысли. Воздух пах фруктовым дымом, Макс зажимал ребристые струны, шагая пальцами от одной к другой, гитара почему-то непривычно легкая, а струны теперь не ребристые, а мягкие, похожие на нитки из шерсти овец.

Что происходит?

Он посмотрел на руки, гитары в них нет, это сон, ему снилась мелодия, и бренчание струн, и запах фруктового дыма. Странно, он был и сейчас.

Макс открыл глаза, а потом еще раз открыл, чтобы убедиться, что все правильно: да, он не спит, просто темень вокруг. Смотри не смотри – смысла нет. Повернулся на кровати и замер – кровать была не его. Она скрипела сцепленными пружинами, гамаком прогибаясь под ним. Матрас тоже не первой свежести, от него чем-то пахло, потом или прокисшей едой. Макс нащупал ногами пол, холодный, с какой-то тряпкой вместо ковролина, облокотясь на локоть, он сел. В плече отдавало болью, костяшки пальцев зудели и жутко чесались, он потрогал – подбиты.

Что за ерунда?..

Встав с кровати, схватился за ребра, попробовал покашлять – больно, но терпимо, видимо, просто ушиб. Обойдя кровать, держась за пошарпанную металлическую спинку, он дотянулся до стены, вот она, такая же бетонная, как и пол. Прошаривая стену, будто мим, Макс ступал медленным коротким шагом. Где-то должен быть выключатель. Это как искать черного кота в черной комнате, хотя нет, с котом, наверное, проще. Пройдя еще пару шагов, он напоролся на что-то острое и твердое – сумка под его ногами зазвенела тяжелым и металлическим. Да и руки еще чем-то пахли. Переступив то ли сумку, то ли рюкзак, он и дальше обыскивал стену, не упуская ни дюйма. Макс ощупывал стену, пока что-то холодное не скользнуло под его ладонями – точно, похоже на зеркало. И в нем тоже пустота. Сделав шаг, ударился обо что-то бедром и пальцем ноги, боль от мизинца отдалась во всем теле. Умывальник. Макс нашел кран и открыл, холодная вода с примесью песка зажурчала под дрожащими пальцами, он жадно пил, песок скрежетал на зубах. Умывшись, Макс нашел полотенце, а под ним выключатель. Недолго думая, включил.

Желтый треск наполнил комнату. Макс смотрел в раковину, ржавая вода смывала кровь с его рук. Он нехотя поднял взгляд и посмотрел на себя. Все лицо в ссадинах, как и руки, он задрал рубашку, как и живот. Кровь запеклась у висков.

Что же было вчера? Или вчера он тоже был здесь, что он помнил последним? Голова затрещала. Макс осмотрелся по сторонам. Бетонные стены, кровать, окон нет. Какое-то непонятное логово. Куда меня занесло?

Если бы он оказался в тюрьме, то не было бы здесь никакой сумки с инструментами. Он подошел к двери, дернул – заперто. Инструменты. Должно же быть что-то, чем можно выломать замок. Наклонился над спортивной сумкой: нож, консервы, веревка, скотч, бутылка с водой, открыл, понюхал, жутко хотелось пить. Пока вода бурлила в желудке, Макс вспоминал. Ничего. Ни малейшей зацепки. Он еще раз посмотрел на руки, следов крови не было. Чья это кровь? Его? Да, конечно, его, видимо, он попал в серьезную переделку, в очень серьезную, судя по его лицу, он еще раз подошел к зеркалу, вся правая сторона исцарапана, фингал под левым глазом. Тот еще видок. Но что-то все-таки не сходилось. Грязные руки, лицо в крови, живот в кровоподтеках, наверное, ему хорошо двинули, да не наверное, а точно, судя по боли в ребрах, из него последний дух выбивали. Но его одежда... Он наконец заметил, в чем был. Джинсы и футболка с принтом, кеды из стокового магазина, он купил их полгода назад, шнурки на них теперь казались непривычно белыми, кажется, они такими и не были никогда, футболка и

джинсы были как новые, если он с кем-то и дрался, то точно не в этой одежде. Что-то здесь не так. Если только он не переоделся, но в чем он был? В чем и когда? Любые попытки вспомнить вызывали страх и неприязнь. Он сел на кровать и закрыл лицо руками. Последнее, что он помнил, – вечер пятницы. Он тусовался в одном из клубов, все, у кого этот режим в печенках сидел, все там тусовались. Клубы закрывали, проводили облавы, но люди собирались снова, меняли места, создавали пароли, делали все, чтобы чувствовать себя людьми. В этих местах не было камер, это был обязательный принцип.

«Устал от слезки – приходи к нам». В камерах не было никакого толку: даже если бы они что-то засняли, то за этой светомузыкой, уродующей лица, мало что можно было разобрать.

Макс заходил с черного входа, его провожал знакомый бармен. Садился за один из дальних столиков, скрытых от всеобщего глаза, брал себе водку со льдом и никогда не допивал, он смотрел на гремящие в стакане кубики, они обтирались друг о друга, постепенно тая, портя и без того дурацкий вкус. Водку здесь всегда разбавляли, как и любой из крепких напитков. Продажа спиртного была незаконна, подпольным образом осуществляли закупку, а потом экономили как могли. Бар без спиртного не походил на настоящий, и люди довольствовались даже этим. Макс следил за танцующей сценой, за девушками на барной стойке, он и не заметил, как одна из подобных подседа к нему. Она отпила из его стакана и улыбнулась ровной улыбкой, такой улыбкой, что оголяет лишь зубы. Макс только кивнул, мол, привет, но лучше будет тебе свалить. Он не любил случайные связи.

Незнакомка придвинулась ближе, положила руку на его колено и что-то сказала, он не расслышал что.

– Хочешь хорошей водки, а не этого дерьма? – крикнула она уже ему в ухо.

Макс кивнул. Девушка вышла и вернулась с рюмкой. Такого спиртного он давно не пил.

– Сколько я должен?

– Пойдем, – сказала она и повела его на танцпол.

Макс не мог разглядеть ее лица, оно было за волосами.

Они танцевали, он пил и смеялся, девушка лезла ему в штаны. После она ушла за добавкой, потом они сняли номер в мотеле на одной из безлюдных парковок, там частенько ночуют водители фур. С девушкой Макс кувыркался всю ночь. Они ржали как кони, падали на пол, чуть не сломали кровать.

Воспоминания приходили урывками и уходили внезапно. Макс все так же сидел в этой каменной комнате, на полу сумка с инструментами, в ржавый умывальник капает вода. С потолка свисает, покачиваясь, лампочка, то погасая, то загораясь опять.

Макс закрыл глаза. Он опять в номере мотеля, рядом, уткнувшись в подушку, спит та же девушка. Кто-то барабанит в дверь. Стены шатаются, пол неровный, Макс убирает с себя ее руку, встает с кровати, пытается идти. У двери протирает глаза, прислонившись лбом к косяку. Может, и не к нему стучат. Слушает. Стук повторился. Дверь трясется, отражая удары.

– Кто?

В дверь продолжают стучать.

– Кто это? – Макс постепенно трезвеет.

– Есть закурить?

– Нет.

Стучат.

– Проваливай!

Дверь вышибают ногой. Влетает мужик. Волосатый, огромный. Бьет Макса под ребра. Подходит к кровати, стаскивает девчонку, та, как мешок, падает на пол, бьется головой о тумбу, визжит.

– Вставай, шлюха! – орет ей в лицо.

Та закрывает уши.

– Вставай, кому говорю, – пинает под зад.

Максу, должно быть, все равно, он и не знает, как ее зовут, это просто девка, угостившая его сначала водкой, потом своим телом. Она для Макса просто тело, но он не может смотреть, как кого-то бьют.

– Эй, полегче, – говорит он, – полегче, парень.

Девушка скрюченная лежит на полу, откашливая кровь. В крови весь подбородок и кофта, с ее зубов падают красные капли на старый мотельный ковролин.

– Че ты сказал? – поднимается мужик и в два прыжка подлетает к нему, одним ударом отправляя в нокаут.

Голова трещит, Макс отлетает к стене. Тот возвращается к девушке и продолжает бить. Макс поднимается с пола, пол пляшет, шатаются стены, кажется, он целую вечность идет, на тумбе пустая бутылка, Макс хватается за нее, заносит над собой и махом разбивает о голову мужика.

Осколки по полу. Тот падает навзничь, и вот он уже не такой и огромный. Макс садится верхом и бьет со всей дури, расквашивает его мягкую морду, превращая всю рожу в кисель. Тот теряет сознание, Макс сжимает в кулак его длинные сальные волосы и бьет головой об пол, смотрит на девушку, той почему-то уже нет на полу, смотрит на мужика и понимает, что бьет не его, а ее. Он держит девчонку за волосы и бьет головой об пол. Макс смотрит на дверь – никто не входил.

7 глава

Нина помогла мне подняться.

– Что это было? – Я отряхивал брюки. – Что пиццало у него на руке?

– Это браслет для условно-досрочных, – объясняла Нина, убирая с меня приставшую пыль. – Браслет пищит, когда повышается уровень норадреналина в крови.

– Норадреналина?

– Да, это гормон ярости, – уточнила она. – После освобождения на многих надевают такие браслеты. Как только человек чувствует злость или ярость, браслет пищит, и сигнал, как по тревожной кнопке, поступает в полицию. Нам это значительно облегчает жизнь.

– А я и не знал.

– Неудивительно...

Она посмотрела на меня как на ребенка. Или как на лунатика. Мне стало обидно. Рядом с девушками я всегда хотел казаться более мужественным, и всегда получалось наоборот.

Вообще, я много чего не знал. И чем дольше я здесь находился, тем четче понимал это. Я не знал, что у нас все же есть преступность, что люди работают на грязной работе, после которой пьют эти помои, и про браслеты, измерявшие ярость, я тоже не знал.

– Теперь ему точно несдобровать, – ворчал бармен, расставляя стулья.

Нина потрогала мою щеку. Я отпрянул от боли. Со страху я и не заметил, как разодрал лицо. Отличное начало дня.

– Пройдемте в подсобку, – предложила она, – у нас там аптечка.

– Нет-нет, мне надо идти.

Куда тебе надо, болван? Иди в подсобку!

– Хотя почему бы и нет, – опомнился я и похромал за Ниной.

В подсобке чем-то пахло, как и на кухне, какой-то тухлятиной. Да кого я обманываю, так пахло везде. Нина усадила меня на ящик из-под бутылок и стала обрабатывать ссадину. Она была прехорошенькая, нет, правда, я и не подумал бы, что ей за тридцать и у нее есть ребенок. Вдруг запахло ягодами или цветами. Это пахли ее волосы – удивительно, как они не пропитались запахами кухонного марева.

– Ужасное место, – сказал я, – вы не думаете?

Нина вздохнула.

– Я и не знал, что такие места существуют.

Она молчала, клеила пластырь.

– Я и таких людей никогда не видел. Кто они?

– Это портовые грузчики, – заговорила она, убирая жгучий раствор и пластырь в аптечку. – Ночью они грузят брикеты с мусором на огромные корабли, которые перевозят их на один из островов, там их складировуют, а потом и сжигают. Работают они по ночам, после работы приходят в кафе, а потом и домой – выспаться.

Вот почему я их раньше не видел...

– А вы что здесь забыли? – спросила она.

– Я? Я случайно забрел.

– Понятно, такие парни, как вы, могут только случайно зайти, – она склонила голову.

Я закусил щеку, я и правда не понимал, за что ей выпал такой билет. Проработать здесь всю жизнь, в этой протухшей жаровне, думаю, в аду было б комфортнее.

Она, видимо, уловила мой взгляд и быстро протерла руки полотенцем.

– Не всем так везет, – окинула она меня взглядом, собирая поднос. – Кем вы работаете, менеджером?

– Им самым, – обрадовался я ее отличному предположению.

– Я так и подумала, – сказала Нина.

– Разрешите мне вас проводить?

– Куда?

– Домой.

– Так мне еще четыре часа работать.

– Тогда я за вами заеду?

Она молчала.

– Через четыре часа, – настаивал я.

Нина улыбнулась и вышла.

Так быстро я еще ниоткуда не уезжал.

Следующим пунктом был медколледж. Четырехэтажное неброское здание из белого кирпича.

Я и не думал, что меня пустят. Но стоило показать удостоверение сотрудника министерства, как вертушку сразу открыли.

– Какая-то проверка? – спросил охранник.

– Нет, все в порядке, по личным делам.

Охранник выдохнул и присел.

Была бы у них проверка, этот нервный завалил бы всю контору.

Я поднялся в деканат, узнал, на каком курсе учится Лиззи и что в данный момент она в медкабинете на практике.

Лучше бы я остался в забегаловке.

Я ничего не имел против практики, наверное, потому, что не знал еще, что это. Мне указали на кабинет, в котором шел забор крови. Я открыл дверь и захлопнул ее почти сразу же. Толпа студентов в белых халатах даже не успела заметить меня. Не знаю, сколько минут я простоял, прислонившись к закрытой двери, вдыхая и выдыхая, успокаивая позывы.

Так я узнал, что от запаха крови мне еще хуже, чем от запаха тухлятины в забегаловке.

Слабый ты какой-то...

По-моему, мой внутренний голос был голосом матери. Но это неточно.

Я закрыл дверь кабинета по забору крови так же быстро, как и открыл. Пока приходил в себя, не заметил, что возле двери на подоконнике сидит девушка с платком в руке.

Это и была Лиззи, я запомнил ее по фотографии, и как хорошо, что именно она была здесь.

– Вы не зайдете? – спросил я, указывая на дверь.

Она покачала головой, облокотилась на оконную раму, закрыла лицо руками и заплакала.

– Что случилось? – подошел я к ней.

– Я опять не попала в вену, – вытирала она глаза, – у меня ничего не получается. Ничего! Ничего! Ничего...

Бинго! Никогда я еще не радовался женским слезам, но это, черт возьми, в яблочко, мне сразу все стало понятно: она хочет уйти из колледжа, потому что боится крови, у нее не получается ни-че-го.

Великолепно! Мы все выяснили, иди докладывай.

Пытаясь уgomонить свою радость и убрать идиотскую улыбку с лица, я подошел ближе.

– У многих врачей сначала ничего не получалось, – сказал я и присел рядом.

– Да? У кого? – шмыгала она.

Да, у кого?

Откуда мне знать!

– Ну, у профессора Гилберта, например, сейчас он хирург, – соврал я, не зная никакого профессора.

– А еще? – положила она платок в карман халата.

– Еще? – задумался я. – Еще много у кого такое было.

Лиззи скептически посмотрела на меня и улыбнулась.

– Не стоит бросать дело жизни только потому, что что-то не получилось, – а я мог успокаивать людей. – Вы выбрали хорошую профессию, – утвердительно покачал я головой. Из меня вышел бы отличный психолог.

– Я не выбирала...

– Вам выбрали хорошую профессию, – исправился я, – вы спасаете жизни.

– Я оставляю только синяки.

– Не страшно.

– Профессор сказал, что отправит меня в морг.

– И это не страшно, – от мыслей о морге у меня колени подкосились, – с трупами как-то спокойнее.

Тебе уж точно, ссыкун.

– Вы знаете, здесь психиатры есть?

– А зачем вам? – удивилась она.

– У меня есть хороший знакомый, у него есть внутренний голос, и он мечтает его заткнуть.

– Психиатров здесь нет, они в университете психологии.

– Очень жаль... Так вы хотите бросить учебу?

Она подняла на меня заплаканные глаза.

– Что вы... это же уголовно наказуемо.

– Верно, – согласился я. Вот ведь дрянство! Так этого она хочет или нет? Может, уже сомневается? Может, это я отговорил ее?

– Буду бирочки к трупам привязывать, – ухмыльнулась Лиззи.

– Тоже верно... То есть я хотел сказать, не думайте об этом, настройтесь на лучшее.

– Спасибо.

– Значит, уйти вы не хотите?

– А почему вы спрашиваете?

– Я? У меня сестра школу оканчивает, и вот ее сюда же направят. Я пришел разведать, так сказать, обстановку.

– Здесь хорошо, – она высморкалась, – мне все нравится, просто получается не все.

– Я надеюсь, все у вас будет хорошо, вы будете отличным врачом.

– Спасибо, – улыбнулась она, – я пойду.

Она вернулась в кабинет, из которого опять повеяло запахом крови.

Вот и замечательно, подумал я с чувством выполненного долга. Полчаса – и готово: я уговорил человека не играть с судьбой.

У меня еще было три часа до того, как закончит Нина. Я сел на скамейку возле колледжа и раскрыл последнее, третье дело. С него на меня смотрел старик лет семидесяти. Жил он в пригороде, ехать туда чуть более часа, обратно столько же – и сколько я там пробуду? Нет, лучше завтра, сложил я его обратно в папку и уже решил поехать домой, как мимо меня пробежала рыжеволосая девушка. Она быстро взбежала по лестнице, посмотрела в камеру, что висела над входом, и скрылась в дверях. Через пару минут небольшое окно на первом этаже открылось, и эта же девушка выпрыгнула из него, огляделась по сторонам и скрылась в кустах.

– А может, это моя следующая подопечная? – подумал я. – Хорошо бы проследить за ней заранее, чем делать все потом.

Правильно, проследи-проследи, проблем-то у нас больше нет!

Девушка бежала по кустам и между деревьями, явно минуя камеры. Я часто терял ее из виду, упругие ветви кустарников то и дело лупили по лицу.

Почему она вышла из окна? Сбежала с занятий, подумал я, показалась на камеру и сбежала.

Она оглянулась, я спрятался в зарослях. Палисадник закончился, рыжеволосая прогульщица выбежала на дорогу, а я так и остался в засаде. Через пару секунд к ней подъехала машина, она вскочила в нее почти на ходу, шины забуксовали на асфальте и поехали дальше.

Убедившись, что никого рядом нет, я вылез из зарослей.

Кем она была и куда спешила?

Впрочем, какое мне дело.

Домой я так и не пошел и решил уже вернуться к машине, как заметил небольшую листовку размером с фотокарточку, на ней была нарисована красная лилия. Положив листовку в карман, я отправился к Нине.

8 глава

Нина уже сдавала смену, когда я подъехал к кафе. На ее место заступала зрелая женщина с пышной грудью, внушительным животом и таким же подбородком.

– Ну, давай, костлявая, до завтра, – сказала она, завязывая передник. Униформа на официантке трещала по швам. За ней точно не приставят никаких осведомителей. Здесь эта колоритная дама смотрелась более чем гармонично. Уж она бы одним ударом вырубил того бугая.

Я видел, как Нина сняла фартук и зашла в подсобку, видимо, чтобы снять все остальное. Вышла она оттуда совсем другой. Она распустила тугой пучок волос, что сильно натягивал ее брови и уголки глаз, надела легкое платье и выпорхнула на свет. Дом ее находился в сорока минутах езды. Тот район был совсем небогатый.

– А эти люди из вашего кафе тоже живут здесь? – спросил я, не отрываясь от дороги.

– Да, тоже, – ответила Нина, – но мы не жалуемся.

– Правда, вас все устраивает?

Мне показалось, я был слишком резок.

Нина смолчала.

– Простите, – сказал я, – все, что у меня есть, вообще мне не принадлежит. Все выделяет министерство: и квартиру, и машину. Я работаю-то всего ничего.

– Не скромничайте, – как-то грустно улыбнулась она, – если все так, значит, вы заслужили.

– Но я и не успел ничего заслужить...

– Значит, не нарушили правил. Я права?

Она была права. Я и действительно не успел накосячить, но не потому, что не хотел, просто не пришлось как-то. Моя жизнь была настолько скучна, что не давала мне никакого повода свернуть не в ту степь. Я, быть может, и рад быть бунтарем...

Ой, не смеши меня!

Может, и рад, но не подфартило. Ни друзей, ни знакомых у меня таких не было. Если только Макс. И где он сейчас? Хорошо, что мы с ним не близки.

– Вы, наверное, из хорошей семьи? – спросила она и поставила меня в тупик.

– Мать звонит мне по праздникам, а отец еще реже.

– Значит, вы не женаты?

– Не женат.

– И девушки нет?

– И девушки нет.

– Я же говорю, вы не успели что-либо испортить. Вы чисты как белый лист.

– Вы живете одна? – зная, что не одна, спросил я.

– Нет, с дочерью. Ей пять лет.

– А муж?

– Мужа у меня нет.

И зачем я спросил, я ведь и так это знал.

– В школе я училась очень хорошо, и мое будущее было бы совершенно другим. Я могла бы стать юристом.

Я с удивлением посмотрел на нее.

– Но что случилось?

– Случилась Анна, – улыбнулась Нина, – моя дочь. Я полюбила, – она замолчала. – Мы полюбили, и мне прислали новый сценарий. А через два года муж погиб.

– Мне очень жаль, Нина.

– Его отправили работать на шахту, там случился взрыв.

Я помнил этот случай. Тогда еще я учился в школе. В нашем городе мало что случалось, хотя Матео всегда говорил, что нам просто мало что показывают. Может, он и прав. Значит, одним из погибших был муж Нины...

– Я до сих пор себя виню.

– Но почему?

– Если бы каждый из нас пошел по своему сценарию, если бы мы не влюбились друг в друга, он был бы врачом.

– Подождите, – наконец уловил я, – то есть, если послушаться и попытаться что-то изменить, тебе вышлют новый сценарий?

– Да, но он будет гораздо хуже первого.

– Но зная это...

– А что мы могли знать? В законе это не прописано. Мы думали, это сплетни, легенды, детские страшилки. Мы думали, никто не узнает, никто бы, наверное, и не узнал, может, мы так бы и разъехались, он в училище, я в юридическую академию, но появилась Анна. А скрыть беременность, знаете ли...

– Да, я понимаю.

– Когда мне пришел новый сценарий – это было, по-моему, через неделю после родов, – я прорыдала всю ночь, а потом прижала малышку и поняла, что это небольшая цена. У меня был ребенок от любимого человека.

Она как-то болезненно улыбнулась и посмотрела на меня, будто спрашивая, имеет ли она право так говорить.

– Конечно, вы правы, – сказал я. – Думаю, у вас замечательная дочь.

– Да, она замечательная.

Мы выехали на узкие улочки, после трассы это место показалось мне тесным и приземистым. Дома стояли вплотную друг к другу, от одного окна до другого протягивались бельевые веревки, с которых свисали застиранные брюки, полинявшие пижамы, растянутые штаны и порванные лифчики. Пахло стиральным порошком и жареной рыбой. Люди общались без обид, обмениваясь претензиями, ругательствами и всевозможными жестами. Какой-то мужик подпирал лестничные столбы, не давая им упасть, кто-то подпирал собой дом, не давая упасть себе.

Я проводил Нину до двери.

– Анна, наверное, уже спит, – сказала она, – соседка сидит с ней.

Я кивнул. Не зная, как встретиться снова, какой повод придумать, я решил взять все от этой встречи и потому не уходил. Так и стоял у двери, поджав губы от отсутствия нужных слов. Она тоже стояла, посмотрела на дверь, на окна своей квартиры, на небо с еле заметным кусочком луны, потом опять на меня.

– Может, чаю? – наконец спросила она.

– Было бы неплохо.

В жизни бы я не набрался столько наглости стоять у дома малознакомой девушки и ждать, что меня пригласят. Это было выше моих возможностей, но чего не сделаешь ради работы! К тому же если я приду к ней завтра в то же кафе, не факт, что не нарвусь на еще одного маргинала, а если у него не будет браслета? Я думал об этом, пока поднимался по скрипучим лестницам такого же скрипучего дома. Все в нем издавало какие-то звуки – и двери, и петли в них, и оконные рамы с огромными щелями, в которых, свистя, гулял уличный ветер, и мухи, не желавшие умирать, они жужжали и бились в окно. По этажам гудело громкое эхо из голосов соседей из смежных квартир, оно будто ходило по стенам, спускалось по стокам, что-то злобно мыча.

– Нина. – Из двери на втором выглянула соседка и покосилась на меня таким подозрительным взглядом, что я поспешил улыбнуться, дабы расположить ее к себе. Она нахмурилась еще сильнее и посмотрела на Нину. – Девочку я уложила, у меня у самой дел полно.

Нина отдала ей свернутую купюру, женщина засунула ее в лиф, еще раз посмотрела на меня, ухмыльнулась и закрылась у себя в квартире.

– Не обращайтесь внимания, – сказала Нина, – гостей здесь не любят, тем более таких, как вы.

– А какой я?

– Другой, не ровня.

– Не говорите так, это все предрассудки.

Мы остановились на третьем, возле неприметной двери. Нина осторожно отперла ее, стараясь не скрипеть проржавевшими петлями.

– Проходите на кухню, – указала она, – я сейчас.

В комнате горел приглушенный свет, он падал на пол из щели меж закрытых штор. Скрипнула кровать, видно, Нина поцеловала малышку, та недовольно замычала, и Нина, сияя, вышла из комнаты.

– Она моя радость, у нее отцовский вздернутый нос, я всегда целую ее в нос, как прихожу. А она вытирается и бурчит.

– Дети, – как будто со знанием дела сказал я.

Нина ставила чай.

Я смотрел на ее хрупкие плечи, которые с трудом поднимали и чайник, на ее узкую фигуру, ссутулившуюся у плиты, и не понимал, чем эта хрупкая женщина могла помешать министерству. Неужели после всего пережитого она опять хочет рискнуть? А если ее засекут... Конечно, засекут, не зря же я здесь. А ведь следующий сценарий может быть еще хуже этого. Может, она думает, что хуже и быть не может, а зря.

– Значит, вы работаете в том кафе уже несколько лет? – Я не знал, с чего начать разговор.

– Да, и это, надо сказать, мне крепко осточертело.

Она села напротив.

– Но ведь это не самая плохая работа.

– Вы думаете? – Она подняла бровь и еще раз осмотрела меня с головы до ног.

– Наверное, – замялся я. – Наверное, есть еще хуже.

– А есть еще лучше, и еще лучше, и еще. – Она остановилась и посмотрела куда-то через меня.

– Наверное, несомненно, есть, – согласился я, нельзя было не согласиться.

Чайник закипел. Нина ринулась снимать его с плиты, чтобы свистом не разбудить дочь.

– Но ведь идти против министерства... – продолжал я.

– Министерство отняло у меня все. Если бы не оно, мой муж был бы жив. Чем помешал им мой ребенок, чем?

– Но есть порядок, законы...

– А, и вы туда же!

– Нет-нет, я не туда же, совсем не туда.

Еще немного, и она догадалась бы, что я за тип. От самого себя мне становилось противно. Какая идиотская у меня все же работа, и никакие служебные квартиры и машины не могли компенсировать весь стыд, который я испытывал в данный момент.

– Я пишу картины, – начала она после небольшого перерыва, – и хочу продавать их под чужим именем. Они ничего не узнают. Кому я нужна?

«О, милая, похоже, они уже все знают», – хотел было выпалить я.

Какая она тебе милая? Совсем с ума сошел? Давай попроси ее показать тебе эти ее картины и фотографии их незаметно для протокола.

Ничего я не буду просить!

Слабак!

– А хотите я вам их покажу?

– Кого?

– Картины.

– Ой, не надо...

– Не хотите? – обиделась она.

– Нет хочу, очень хочу.

– Тогда пойдете.

И птичка в клетке...

– Да заткнись ты!

– Что вы сказали?

– Ничего-ничего.

– Пройдемте, – сказала она, – это в чулане.

Нина спотыкалась обо что-то в темном коридоре.

– Лампочку надо поменять, – будто извинилась она и взяла меня за руку, прокладывая путь. Весь он был заставлен хозяйственной утварью, металлическими ведрами, старыми велосипедами, швабрами, тряпками.

– О боже, что это?

Я стал судорожно смахивать что-то с лица, но оно, мерзкое и липкое, никак не уходило.

– Это паутина, – рассмеялась Нина.

Наконец она щелкнула выключателем и открыла дверь, что таилась в самом конце этого захламленного ада.

В небольшом чулане по периметру вдоль облупленных серых стен одна к другой были приставлены картины. На полках стояли краски, баночки с какой-то жидкостью, пахло маслом и растворителем. Кисточки мохнатыми хвостами выглядывали из металлических банок от кофе. Это была совсем другая жизнь. Я видел, как дышит Нина. Ее грудь поднималась и опускалась, она будто сердцем дышала. Да этот уголок и был ее сердцем, отдушиной. Которую я должен буду разрушить.

– Это прекрасные картины, – я взял одну, – у вас талант, Нина.

Она смущенно заулыбалась.

– Да ладно вам, это просто хобби, – махнула она рукой.

И что министерство могло иметь против хобби? Наверное, ничего, если бы оно так и осталось закрытым вот здесь, в этом самом чулане.

– Но ведь их можно и не продавать, – начал я.

– Как это? – удивилась Нина. – Мне нужна студия, материалы. Да и моя дочь, я хочу хоть немного заработать. Я не знаю, какое будущее гарантирует ей министерство. А если такое же, как у меня? Официанткой в забегаловке. Что тогда? У нее будут хотя бы деньги, деньги, которые смогу скопить для нее я. У моей девочки и так ничего нет, у нее отняли отца, а мать – на ужасной работе. Что будет, когда она поймет, что не такая, как все, что она хуже многих? Я соберу эти деньги ради нее.

Я молчал.

– Я уже все придумала. – Она посмотрела на меня каким-то сумасшедшим от радости взглядом. – За мной ухаживает один мужчина.

О боже, опять?!

Я смолчал.

– Он обещал мне помочь.

Что я ей скажу? Не доверять никому? А я для нее кто?

– Я не могу быть всю жизнь официанткой, понимаете, не могу.

Я понимал.

– Честно сказать, – она замялась, – пару картин я уже продала, и людям они очень понравились. На заработанные деньги я купила новые краски и несколько холстов, я могла бы вернуться.

– А потом что, Нина? Вы не сможете так свободно этим заниматься.

– Вы правы. Здесь не смогу.

– Не понял...

– Я хочу сбежать! Из этого дома, из этого города.

Господи, она не знает, что говорит.

– Неужели вам никогда не хотелось сбежать? – Она посмотрела на меня полными слез глазами.

Хотелось, прямо сейчас...

Мы поговорили еще немного, она все твердила, что заслуживает лучшего, я со всем соглашался, а после ушел. Единственное, на что я надеялся, это что ее новый хахаль просто брешет ради легкого секса. Навешает ей лапши на уши, а она поверит всему. Никто не решится сбежать, никто не будет брать на это дело женщину с ребенком.

9 глава

Макс очнулся от женского крика, такого близкого и раздирающего, что звенело в ушах. Кто-то кричал возле него. Макс опустил глаза. Это он держал кого-то за волосы, запрокинул чью-то голову и говорил... Он точно что-то говорил, потому что во рту его пересохло, а губы еще завершали сказанное, застыли на половине предложения, язык – на нёбе, мимика – в гримасе. Он был зол.

Это девушка, молодая, растрепанная, он держал ее за волосы, сам стоял за спиной. Руки несчастной были ободраны в кровь, ногти сломаны, все тело дрожало. Это она его расцарапала? Он ощупал ссадины на щеках. Хотел отпустить ее волосы, разжать кулак, но не мог, хватка была мертвая. Его грудь поднималась и опускалась, жар застилал глаза, пульс дошел до предела. Каждый ее всхлип раздражал и заводил одновременно.

Тут она пошевелилась, начала вырываться, Макс одернул ее и ударил коленом в спину, отчего она выгнулась и завопила, потом взял веревку, заломил руки за спину и крепко связал. Она, тщетно пытаясь вырваться, вскоре обессилела и обмякла совсем. Все движения его были четкими. Он, точнее тот, кем он был сейчас, не колебался ни секунды, в нем не было ни жалости, ни страха. Прижавшись к ней всем телом, зарылся носом в ее мокрые волосы и стал жадно вдыхать ее запах, он дышал как зверь, он и был зверем, учувшим дух страха и отчаяния. Его рот впился в холодную шею, Макс почувствовал соленый вкус ее кожи. Она уже не сопротивлялась.

Макс пытался оторваться от девушки, ему хотелось развязать ее, но руки делали свое дело, затягивая узел все крепче. Вдруг он почувствовал, как ему хорошо от ее слез и беззащитного мычания. Она такая слабая, а он, он может делать с ней все, что захочет, может ударить, пожалеть... Может, он сходит с ума? Он напрягся что есть мочи, ослабил хватку, разжал ее мокрые волосы, отлепил свое жаркое тело от этого белого и холодного и наконец оттащил себя от нее.

Макс обхватил руками голову, в висках болезненно застучало.

Что я делаю? Что?

Он покосился на девушку, затравленную, забитую.

И это все сделал я?

Но удовольствие от увиденного не давало поступить иначе. Ему нравилось, ему было приятно на это смотреть. Он видел, как поднимается его рука, он видел, как сжимаются пальцы в кулак, как этот кулак возносится над жертвой и останавливается перед самым ее лицом, замирает в воздухе, расправляется в ладонь и отвешивает ей грубую пощечину, а потом еще и еще. Его рука влажная от ее слез, он размазал ее слезы по всему лицу, потом бил еще раз, кровь пошла носом, от запаха крови у него сводило в паху, что-то звериное одолевало его тело, он хотел еще больше крови... Он не мог этого хотеть.

«Я не могу, не могу!» – Он кричал, стиснув зубы. Закусил себе щеку, сильно, до боли. Эта боль отрезвила его, опустила на землю. Задыхаясь, Макс схватил свою руку и отвел ее от несчастной. Он медленно встал с корточек, его нога напряжена, мышцы как каменные...

Нет, только не это...

Он занес ногу назад, а потом с размаху на девушку.

– Отойди! – успел он только крикнуть, как его ботинок пнул ее по спине.

Она крикнула и выгнулась от боли.

– Прости. – Макс кинулся к ней, но она отшатнулась от страха. – Я не хочу тебя бить, – подходил он ближе.

Ее всю трясло.

– Где мы? – спросил он. – Ты знаешь это место?

Девушка смотрела на него через кляп и что-то мычала, он потянулся к кляпу, схватил его и попытался снять, но удалось опустить только до подбородка. Макс дрожал. Неприятное, постыдное, плотское чувство одолевало его.

– Что вы со мной сделаете? – заныла она.

Макс знал, чего он хотел. Он весь горел, подполз еще ближе.

– Я не могу, – прошипел он, – не могу справиться с этим.

Он хотел ударить ее еще раз, она перестала плакать, а ему было мало, хотелось еще ее слез и страха. Какая-то несвойственная, несвойственная ему ярость поработала его. Он посмотрел на свои руки, руки, которые еще секунду назад не слушались его, напряглись, изнемогая от пота, он сжал ладонь в кулак, а после снова расслабил, сжал и расслабил, сжал и расслабил. Так он проделал с одной рукой, потом с другой. Его тело постепенно возвращалось к нему, это он начинал управлять им, это он не хотел никого убивать.

– Все хорошо, – шептал он себе, – все хорошо, – посмотрел он на свои ноги.

Они еще были напряжены, каждый мускул его уставших мышц был натянут, как пружина, возведен, как затвор, одно неровное движение – и спуск, его опять занесет... Девушка не шевелилась от страха, ее будто приклеило к стенке. А ему все еще хотелось вцепиться в нее.

Макс хотел убежать из этого места, выйти за дверь и никогда больше не возвращаться. Он не знал, кто эта девушка, он не знал, что это за здание и где они вообще находятся.

Сейчас он дойдет до двери. Можно было помочь несчастной и развязать ее, они бы могли найти выход вместе, но Макс боялся своего тела, своей необъяснимой ярости, животного желания. Прикоснись он к ней еще раз, и беды не избежать. Что же делать? Что это, какая-то форма психоза? Шизоидное расстройство? И почему он, черт его дерит, ничего не помнит? Он опять посмотрел на девушку, угнетая гнев, притупляя похоть: где-то он ее уже видел – или ему показалось? Он не знал, чему верить.

Макс попытался сдвинуть ногу, сдвинуть ее с этой мертвой точки, в которую он просто врос. Он напряг мышцы еще сильнее – казалось, они сейчас лопнут от такого усилия, – нога его оторвалась от земли и сделала шаг назад.

«Так, – говорил он себе, – хорошо, еще несколько шагов – и дверь, еще немного – и я выйду отсюда». К нему будто кандалы приковали, он еле переступал – шаг, еще шаг к двери, нужно было бежать. Девушка вся сжалась в комок.

«Не смотри на нее, не смотри. Ее здесь нет, тебя здесь нет, ничего не существует, я выйду за дверь, и все закончится». Он уперся спиной в стену, нащупал дверную ручку, закрыто.

– Как ее открыть, черт возьми?

Девушка указала взглядом на пояс. Ключи. Связка ключей висела на нем – значит, он сам открыл эту камеру, комнату... Боже, что это было?.. Из трех ключей подошел один. Он вставил его в замок и повернул – щелкнуло, открылось, спертый запах непонятно чего доносился из коридора. Он уже заступил за порог, прикрылся дверью с той стороны, чтобы самого себя оградить, не сорваться, не налететь на ту, которую хотел прикончить.

– Я вернусь за тобой, – сказал он, надеясь успокоить ее, мол, не оставлю тебя здесь одну, не волнуйся. Но был понят по-другому. Из носа девушки вылезли сопливые пузыри, рот искривился от рыданий.

– Не бойся, – процедил он и почувствовал необъяснимое желание ворваться к ней снова. Захлопнул дверь с той стороны и скатился по ней спиной на пол. Выдохнул. Ярость во всем теле отступала. Уходила той же волной, которой пришла.

Перед Максом был глухой коридор с какими-то каменными стенами, он приподнялся и медленно поплел в сторону мерцающего света. Голова кружилась, стены то сужались, то расширялись, приближаясь и отдаляясь от него, он зажмурился, потер глаза – все встало на место. Здание пахло сыростью и каким-то странным сладковатым дымом, ему знаком был этот запах, но он не мог вспомнить его.

Он шел на мерцающий свет, завернул за угол, длинный коридор сменился еще более длинным, на стенах развешаны фонари, свет слабый, один из них подыхал. Надеюсь выйти к лестнице, Макс не сбавлял шаг. Его уже тошнило от всего, что он пережил, от себя, своей ярости и непонятных желаний, от этого места и даже от девушки, она все еще раздражала его своим писком. Не зря он не заводил никаких отношений, он ненавидел женское нытье, слезы, истерики, он ни за что не спровоцировал бы на это и уж тем более не ударил бы женщину. Но сейчас он хотел ее убить. Почему он хотел этого? Может, его ударили и отшибли память? Коридор опять завернул направо. Даже если он потерял память, себя же он потерять не смог. В носу его опять этот запах фруктового дыма, что за черт... Он прошел добрых сто метров, а впереди был еще один поворот. Сколько же можно? Где выход? Свет опять замигал. Еще одна дохлая лампочка? Он подошел к светильнику и оцепенел, обернулся назад, посмотрел на светильник, еще раз обернулся, взял ключи и нацарапал на камне крест. Нацарапал и побежал. Он бежал и уже задыхался от сухости в горле. Поворот, коридор, светильники, поворот, двери, такие же, как и та, из которой он вышел, светильник, мигающий свет... Крест на камне возле него. Он в ловушке. Он ходит по кругу. Должно быть, он просто пропустил выход. Но спуска на лестницу не было. Может, выход за одной из этих дверей? Сколько их здесь, три или четыре? Эта дверь, из которой он вышел, за ней до сих пор та несчастная. Руки опять сжались в кулак. Не думай, не думай... Макс глубоко вдохнул и протяжно выдохнул. Он добежал до поворота и стал дергать ручку двери – закрыто, вставил ключ – не поворачивается. Следующая. Закрыто. Четвертая... тоже. Ни одна из дверей не была выходом из этого тупика. Он посмотрел на потолок – как же жарко, ни одной решетки, как будто, если бы она была, можно было допрыгнуть. Потолки метров пять высотой. Может, она что-то знает, она должна знать, как я притащил ее сюда и что вообще происходит? Откуда я знаю это место? Она должна знать, должна помнить хоть что-нибудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.